

ВЕРА ВОНГ

**БЕЛОЧКА В
ГОЛОВЕ, ИЛИ
АРХЕОЛОГИЯ
ДУШИ**

18+

Вера Вонг

**Белочка в голове, или
Археология души автор**

«Автор»

2026

Вонг В.

Белочка в голове, или Археология души автор / В. Вонг —
«Автор», 2026

Что общего у врача-психиатра, разочаровавшегося в человечестве, историка-реставратора, топящего горе в бутылке, и древнего манускрипта на мертвом языке? Судьба. И очень специфический приговор. София Игоревна Петрова — циник высшей категории. Для неё пациенты отделения детоксикации — это просто ходячие диагнозы с неприятным запахом, а любовь — биохимическая ошибка организма. Но роковое падение первого мая отправляет её не в травмпункт, а прямиком в Чистилище. Три демона и три ангела выносят вердикт: за профессиональное выгорание и отсутствие эмпатии София должна стать «белочкой» — той самой галлюцинацией, что преследует алкоголиков. Единственный шанс вернуть себе тело и душу — сделать трезвенником хотя бы одного безнадежного пациента. Того, кто сам давно махнул на себя рукой. Внимание: книга содержит сцены употребления алкоголя, философские диалоги с грызунами и терапевтическое количество черного юмора.

© Вонг В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Проклятый день, или Как София Игоревна потеряла пульс	6
Глава 2. Проклятый день, или Теория струн и мокрых носков	11
Глава 3. Чистилище с видом на бюрократию, или Белка в законе	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вера Вонг
Белочка в голове, или
Археология души автор

Глава

Глава 1. Проклятый день, или Как София Игоревна потеряла пульс

Первое мая для большинства населения планеты — это шашлыки, выезды на природу с обязательной потерей одного мангального шампура в высокой траве, первомайские демонстрации профсоюзов и непреодолимое желание лечь лицом в салат где-то к шести вечера. Для Софии Игоревны Петровой первое мая было днем, когда Вселенная брала паузу, чтобы лично плюнуть ей в утренний латте.

София проснулась не от будильника. Будильник она перестала заводить еще три года назад, решив, что если мир намерен рухнуть в тартарары, то он вполне может сделать это без ее своевременного прибытия на рабочее место. Она проснулась от того, что ее кот, кастрированный пять лет назад перс по кличке Шопенгауэр, методично блевал на единственный сухой участок одеяла.

— Символизм, чтоб тебя, — хрипло пробормотала София, спихивая кота ногой на пол. — Ты жрешь свои комочки шерсти назло моей экзистенциальной пустоте. Это классический аутоагрессивный протест. Тебе бы к моему коллеге Дмитрию Львовичу на групповую терапию созависимых отношений с фекалиями.

Шопенгауэр проигнорировал выпад, гордо задрал хвост и ушел переваривать свой внутренний конфликт под батарею. София посмотрела в потолок. Потолок был серым, в мелких трещинках, напоминающих карту метрополитена несуществующего города. Идеальная метафора ее жизни: много путей, все ведут либо в депо, либо под землю.

Ей было тридцать. Тридцать лет — это прекрасный возраст, когда метаболизм уже начинает намекать на скорую пенсию, а гормональный фон требует срочно найти самца, построить гнездо и начать откладывать запасы гречки на черный день. У Софии не было ни самца, ни гречки. Был только диплом клинического психолога с отличием, ипотека на окраине Санкт-Петербурга и профессиональная деформация размером с купол Исаакиевского собора.

Она работала в психоневрологической клинике «Тихая гавань». Название придумывал человек с редким чувством черного юмора. Гавань здесь была тихой исключительно потому, что большинство пациентов находились в медикаментозном штиле, из которого их выводили лишь для принудительного обеда. София специализировалась на алкоголиках. Не на романтических поэтах-алкоголиках со страдающими глазами, которых любят описывать в дешевых романах, а на реальных российских пациентах отделения детоксикации. На тех, чьи лица состоят из красных прожилок, тремора и глубокого философского убеждения, что во всем виновата теща, мasons и паленая водка из ларька у метро.

В восемь утра клиника пахла хлоркой, отчаянием и вчерашним перегаром. В ординаторской за столом сидел заведующий отделением Аркадий Борисович. Ему было шестьдесят, он носил усы, похожие на двух дохлых гусениц, и пил растворимый кофе так, словно это ритуальное жертвоприношение.

— Петровна, — прохрипел он, не отрываясь от кроссворда. Фамилию он путал намеренно, считая, что обращение по имени-отчеству развращает младший персонал. — Я Петрова, Аркадий Борисович, — привычно поправила София, вешая плащ. Плащ был черным, бесформенным и стоил как крыло от истребителя. Он должен был придавать ей вид неприступной интеллектуальной цитадели, но делал похожей на очень уставшую летучую мышь. — Один хрен, — кивнул заведующий. — У тебя в четвертой палате новый завсегдатай. Иннокентий. Третий раз за полгода. Говорит, его инопланетяне заставляют пить через соломинку прямо из атмосферы Юпитера. Зайди, скажи ему, что атмосфера Юпитера состоит из водорода. Пусть подавится. — Прекрасный случай бредообразования на фоне органического поражения ЦНС,

— отозвалась София, механически натягивая дежурную улыбку. — А можно я скажу ему, что инопланетяне перевели его на оплату бартером, и теперь он должен им почку? Кажется, мотивация к трезвости будет выше.

Аркадий Борисович поднял на нее глаза поверх очков. В них плескалось вековое утомление советской психиатрии. — Ох, Соня, добрая ты душа. Что ж тебе неймется-то всегда? Раньше ты хоть шутить пыталась смешно. Теперь твои шутки отдают запахом формалина. Иди работай. Только халат застегни, пуговка болтается, отвлекает больных от падения нравов.

Пуговка действительно болталась. Как и сама София — между небом и землей, между долгом и апатией.

Работа превратилась в конвейер по переключиванию бумажек. История болезни стала важнее истории души. София знала о своих пациентах всё: группу крови, уровень билирубина, марку любимого портвейна, статью КоАП, по которой они получили пятнадцать суток. Но она давно перестала видеть в них людей. Они были для нее ходячими диагнозами, биороботами, сломавшимися на этапе обновления прошивки «Этанол 2.0».

Она вошла в палату номер четыре. Воздух здесь стоял плотной стеной. Запах кислого пота, дешевого табака и чего-то сладко-гнилостного, присущего только людям, чей организм решил объявить забастовку печени.

На койке лежал мужчина неопределенного возраста (от сорока до бесконечности). Его лицо представляло собой багровую маску страдания. Завидев врача, он попытался принять позу умирающего лебедя, но получилось скорее умирающее чучело лебедя.

— Доктор... — простонал он. — Спасите. Меня похитили рептилоиды. Требуют выкуп спиртом. Сказали, если не принесут ящик «Путинки» к обеду, вскрыют мой третий глаз. — Ваш третий глаз, Кеша, сейчас смотрит на меня сквозь щелочку между двумя фиолетовыми мешками, — София села на край стула, который жалобно скрипнул, оплакивая свою участь. — Рептилоиды — это серьезно. Особенно те, что живут в соседней парадной и торгуют стекломоем. Скажите, Иннокентий, а какой смысл вам бросать пить?

Пациент замер. Вопрос выбивался из протокола. Обычно врачи спрашивают про тошноту, давление и дату последнего запоя. — Ну как... Здоровье там... Семья... — Ваша семья, Кеша, вынесла из дома телевизор, микроволновку и линолеум в коридоре, пока вы искали смысл жизни на дне бутылки с настойкой боярышника. Ваше здоровье выглядит так, что патологоанатомы в морге делают ставки, кто первый найдет у вас цирроз. Так зачем? Зачем вам быть трезвым? Чтобы дольше страдать в этой реальности? Чтобы посмотреть, как растут цены на ЖКХ?

Иннокентий смотрел на нее с суеверным ужасом. Психолог обычно должна нести свет, надежду и установку «ты сможешь». София несла абсолютную, дистиллированную правду бытия, завернутую в такую обертку цинизма, что пациенты часто уходили в завязку просто от испуга перед собственной жизнью.

— Вы жестокая, Софья Игнатьевна, — выдавил Кеша. — Игоревна, — снова поправила она. — Нет, Кеша. Я честная. Жестокая — это ваша поджелудочная. Я всего лишь зеркало. Кривое, пыльное, но отражающее реальность. Идите лучше поспите. Когда проспите, приходите на групповую. Послушаете, как Петрович расскажет, что бросил пить ради любви к жене, а жена ушла, и он пьет теперь ради ненависти к теще. Замкнутый круг диалектики Гегеля. Бесплатный спектакль.

Она вышла из палаты, чувствуя привычную тяжесть в затылке. Профессиональное выгорание — красивый термин из учебников. По факту это когда внутри вместо сердца образуется кусок засохшего цемента. Она больше не сочувствовала. Она презирала. Презирала их слабость, их слюнтяйство, их нежелание взять себя в руки. Но глубже этого презрения, куда она старалась не заглядывать даже в темноте спальни, жила глухая, черная зависть. Этим мужикам хотя бы было почему пить. У них были драмы: жены-стервы, заводы закрыли, собака умерла.

У Софии драмы не было. У нее была стерильная, благополучная, абсолютно невыносимая пустота.

Вернувшись в ординаторскую, она заварила себе чай в шерботой кружке с надписью «Самый добрый доктор». Надпись стерлась от посудомоечной машины, оставив только «Сам... док...», что идеально соответствовало действительности.

Коллеги обсуждали предстоящие выходные. — Мы на дачу! Мангалы, природа, шурпа! — щебетала медсестра Леночка, девушка-праздник, состоящая из розового цвета и перманентного восторга. — София Игоревна, а вы? Первое мая же! Надо открывать сезон!

Леночка смотрела на нее своими большими коровьими глазами, ожидая приглашения в ответ. Все ждали, что София пригласит их к себе. А София ненавидела гостей. Гости приносили с собой шум, запах духов и необходимость имитировать радость.

— Я открываю сезон обострения гастрита, — сухо ответила София. — Лежу пластом и смотрю документальные фильмы про жизнь муравьев. Очень терапевтично. Никто не бухает, никто не предает, иерархия четкая. Рекомендую. — Ой, ну нельзя же так мрачно жить! — всплеснула руками Леночка. — Вам надо влюбиться! Вот увидите, весна, гормоны, встретите кого-нибудь...

При слове «влюбиться» левый глаз Софии дернулся. Это была старая, почти родовая травма.

Любовь обходила Софию Петрову стороной, как опытный таксист лужу посреди дороги. Ее личная история напоминала кладбище домашних животных, только вместо животных там были похоронены ее надежды.

Первым был Игорь. Философ-бариста. Он читал Ницше вслух, пока варил капучино, и считал моногамию социальным конструктом угнетения. София два месяца слушала лекции о сверхчеловеке, оплачивала его съемную комнату в центре, потому что «гению нужны вибрации города», а потом нашла в его блокноте список из четырнадцати других «богинь», которым он дарил такие же вибрации. Игорь искренне не понимал, в чем проблема: ведь любовь — это свободная энергия, ее должно хватать на всех.

Потом был Виктор. Майор полиции. Суровый, надежный, пахнувший кожей и валокордином. Мечта любой женщины старше двадцати пяти. Проблема Виктора заключалась в том, что он любил закон больше, чем живых людей, а Софию рассматривал как интересный кейс по статье «женская логика». Он записывал ее аргументы в блокнотик, качал головой и говорил: «Интересная девиация поведения. Давай-ка мы тебя сводим к моему знакомому эксперту-психиатру». От эксперта София сбежала через окно туалета.

Был программист Кирилл, веган-йогин, который пытался лечить ее разбитое сердце пранаямой и отваром полыни. Был бизнесмен Эдуард, который оказался женат на базе данных Росстата трижды. Каждый следующий удар вбивал гвоздь в крышку гроба ее веры в романтику.

К тридцати годам София вывела безупречную формулу: мужчины делятся на две категории. Первые пьют, потому что боятся ответственности. Вторые несут ответственность, но вызывают желание выпить самой. Золотой середины не существовало. Или существовала, но она требовала душевных вложений, которых у Софии после работы с алкоголиками просто не оставалось.

— Любовь — это биохимическая реакция мозга, вызванная страхом одиночества и желанием регулярного секса, — отчеканила она, глядя на Леночку. — При оргазме выделяется окситоцин, создающий иллюзию привязанности. Через восемнадцать месяцев химия уходит, остается грязная раковина и носки на люстре. Мне химиков на работе хватает, Леночка. Иди, капельницу в третью поставь, там дед опять физраствор вылакал, думает, что это водка.

Леночка обиделась и ушла, цокая каблуками. Аркадий Борисович хмыкнул в чашку: — Злая ты, Соня. Молодость губишь. Думаешь, самая умная? Жизнь — она такая тварь, догонит и даст подсрачник именно тогда, когда ты расслабишься и начнешь верить в термодинамику.

— Термодинамика, Аркадий Борисович, нерушима. Энтропия вселенной стремится к максимуму. Мой холодный цинизм — это просто попытка достичь теплового равновесия с окружающей средой.

Наступил полдень. Солнце, которое утром пыталось быть весенним и ласковым, вдруг стало жестким, белым, каким-то больничным. Оно освещало город слишком ярко, обнажая облупившуюся штукатурку зданий и мусор в скверах.

София сидела над историей болезни очередного пациента — сорокалетнего Толуна Федора Сергеевича. Бывший историк-реставратор. Интеллигент высшей пробы. Попал сюда с классическим делирием: ловил чертей, которые играли с ним в шахматы душами умерших композиторов.

«Интеллектуал, — писала София ровным, равнодушным почерком. — Критика состояния сохранена частично. После инфузионной терапии агрессивен умеренно. Требуется вернуть ему "Кодекс Серафимина", якобы расшифрованный им в белой горячке. Прогноз сомнительный. Социальный прогноз неблагоприятный. Супруга ушла год назад, забрав дочь. Привязанностей, удерживающих от рецидива, нет. Стандартная схема: прокапаем, отоспится, выйдет и нажрется снова на первой неделе. Бессмысленно».

Она отложила ручку. Взгляд упал на настенный календарь. Огромный, глянцевый, подаренный какой-то фармацевтической компанией. На листе первого мая красовалось изображение идиллического пейзажа: зеленая трава, цветущие яблони, румяные дети пускают кораблики в ручье.

Под картинкой каллиграфическим шрифтом было выведено: «Весна — время новой жизни!»

София взяла красный маркер. Аккуратно, стараясь не выйти за линии букв, зачеркнула слово «новой». Получилось: «Весна — время жизни!» Затем она подумала секунду и жирно перечеркнула оставшееся слово «жизни», превратив его в неряшливый черный крест.

— Время смерти здравого смысла, — сказала она в пустоту кабинета. — Первого мая начинается вакханалия идиотов. Сейчас пойдут эти их маевки, костры, пьяные песни Лепса. Демонстрация первобытных инстинктов приматов, возмнивших себя венцом творения.

Она встала, подошла к окну. Во внутреннем дворе клиники больные в пижамах курили под козырьком. Среди них выделялся высокий сутулый мужчина в казенном халате. Федор Сергеевич Толун. Даже в больничной униформе, небритый и серый, он держался иначе, чем остальные. Не было в нем этой расхлябанности, этого расплескивания себя по асфальту. Он курил медленно, задумчиво, глядя куда-то сквозь кирпичную стену.

«Бывший интеллигент, — снова включилась внутренняя шарманка Софии. — Жена ушла. Классика. Небось, пилил ее годами своей тонкой душевной организацией. А как ушла — сразу в запой. Слабак. Хоть бы один пришел и сказал: ушла — и слава богу, наконец-то поживу для себя, прочитаю всего Достоевского. Нет же. Сразу ныть, страдать и уничтожать клетки головного мозга дешевым алкоголем. Никакой гордости».

Она отвернулась от окна. Ей внезапно стало душно. Воздух в ординаторской показался густым, как кисель. Пахло озоном, как перед сильной грозой, хотя небо снаружи было чистым.

Стрелки часов на стене дрогнули. Полдень.

София почувствовала странный толчок изнутри. Не сердечный приступ, нет. Что-то вроде системной ошибки матрицы. Словно кто-то нажал кнопку «выкл» на ее восприятии реальности. Цвета вокруг на долю секунды стали неестественно яркими, контуры предметов поплыли. Звук разговора Аркадия Борисовича по телефону превратился в низкий гул, а затем в шепот на неизвестном языке.

— Что-то мне... — начала она, прижимая ладонь ко лбу.

Пол под ногами качнулся. Это не было землетрясением. Качнулся весь мир целиком.

Последнее, что зафиксировало угасающее сознание Софии Игоревны Петровой, прежде чем погасить свет, был звук лопнувшей лампочки дневного света под потолком и голос заведующего, произнесший с неподдельным испугом: — Мать честная, а наша мымра-то синеть начала...

А затем наступила тишина. Абсолютная, звенящая, лишенная запаха хлорки и безнадёжности. И в этой тишине, где-то на границе восприятия, раздался отчетливый звон трех хрустальных бокалов, столкнувшихся в беззвучном тосте, и густой, утробный смех, переходящий в шипение открываемой бутылки теплого пива.

Первое мая официально началось.

Глава 2. Проклятый день, или Теория струн и мокрых носков

Первое мая началось не с кофе. Оно началось с Шопенгауэра. Кот сидел на лице Софии Игоревны, методично перебирая лапами по ее щекам, имитируя замес теста для пельменей. — У тебя лапы из бетона? — прохрипела София в густую персидскую шерсть. — Или ты репетируешь марш несогласных? Кот издал звук, похожий на скрежет пенопласта по стеклу, прыгнул на пол и тут же демонстративно нагадил прямо в левый ботинок Софии. Тот самый, дорогой, кожаный, купленный в припадке мазохистского оптимизма прошлой осенью под лозунгом «Я достойна красивой обуви даже если хожу только до метро».

Это был первый акт марлезонского балета имени Первого мая.

София посмотрела на часы. Семь утра. День еще официально не начался, а карма уже выписала ей штрафную квитанцию. Она натянула черные джинсы, черную водолазку и тот самый бесформенный плащ цвета вороного крыла, умершего от тоски. В зеркале отразилась женщина неопределенного возраста между «студенткой последнего курса» и «завучем школы, похоронившим мечту». Глаза были красными. Не от слез — от хронического недосыпа и того особого сорта усталости, когда организм начинает вырабатывать желчь вместо желудочного сока.

Дорога на работу превратилась в полосу препятствий государственного уровня. На автобусной остановке толпились люди с рассадой помидоров и лицами людей, идущих на казнь. Автобус пришел вовремя — событие само по себе аномальное для первого мая, предвещающее локальный апокалипсис. Двери открылись, София занесла ногу над ступенькой, и в этот момент водитель, видимо, решив побить рекорд скорости Формулы-1, ударил по газам. Автобус дернулся. София осталась на асфальте, крепко сжимая в руке ручку двери, которая с жалобным звоном оторвалась и осталась у нее в кулаке. Автобус уехал, обдав ее облаком сизого дыма. Бабушка с ведром рассады сочувственно покачала головой: — С Первомаем тя, доченька! Видать, домовый шалит! «Видать, это расплата за то, что я вчера мысленно пожелала Иннокентию подавиться его Юпитером», — подумала София, швыряя дверную ручку в урну. Ручка отскочила от края и упала обратно Софии на ногу.

Второй акт: пешеходный переход через проспект. Светофор мигал желтым, издевательски подмигивая. София шагнула на зебру. Из-за поворота вылетел электросамокат. На нем стоял курьер в ярко-желтой куртке, выражение лица которого транслировало абсолютное презрение к законам физики и генетики (судя по тому, как он пытался одной рукой держать руль, второй — телефон, а коленом управлять направлением). Он летел прямо на Софию. Она успела сделать единственное, что умела делать идеально благодаря работе в клинике — применить технику ассертивного отказа. Она не отпрыгнула. Она стояла, смотрела курьеру прямо в глаза и всем своим видом говорила: «Попробуй меня сбить, и твоя страховка будет выплачивать мне моральный ущерб до седьмого колена твоей родни». Курьер тоже оказался человеком привычки. Вместо того чтобы затормозить, он попытался объехать препятствие по воздуху. Физика победила. Курьер совершил красивый тройной тулуп в воздухе, приземлился в клумбу с бархатцами, а самокат проехал еще десять метров, врезался в столб и вспыхнул праздничным бенгальским огнем. — Сами виноваты, нужно было смотреть по сторонам! — крикнула София оглушенному курьеру, поправляя воротник плаща, и пошла дальше, чувствуя лишь глухое раздражение от задержки во времени.

Третий акт ждал ее у дверей клиники. Аркадий Борисович курил у входа, прислонившись к стене. Рядом с ним стояла огромная коробка, перевязанная траурной черной лентой. — Соня, — просипел он, выпуская дым кольцами. — Твое счастье пришло. Министерство

здравоохранения поздравляет нас с днем весны и труда. Это новые эргономичные стулья для ординаторской. Сборка самостоятельная. Инструкция внутри. На китайском. Иероглифами. Коробка была размером с малолитражный автомобиль. Внутри лежали сотни блестящих металлических деталей, пакетиков с винтиками и одинокий шестигранный ключ. — Я клинический психолог, Аркадий Борисович, — ледяным голосом произнесла София. — Моя квалификация заканчивается там, где начинается инструкция по сборке мебели из ИКЕА. Пусть собирает дед из палаты номер шесть, он утверждает, что строил Байкало-Амурскую магистраль голыми руками. Ему полезно моторику развивать. — Дед сейчас пришивает пуговицу к галлюцинации, ему некогда, — отрезал заведующий. — Раз ты такая умная и ничем не занята, бери ключ. К обеду должно стоять. Иначе будешь принимать своих алкашей стоя. Как памятник жертвам карательной психиатрии.

Сборка стула стала четвертым актом пытки. Металл резал пальцы. Винтики падали на кафельный пол и закатывались под батареи, где явно жил свой собственный микрокосмос из пыли и паутины. Через час София сидела на полу посреди разложенных деталей, напоминая скульптора-авангардиста в творческом кризисе. Ее идеальный маникюр превратился в нечто среднее между когтями росوماхи и результатом взрыва на макаронной фабрике. В ординаторскую заглянула Леночка. — Ого, какая инженерная мысль! А можно я посижу? Ой, а почему вы зеленая? Вы так устали... — Леночка, — голос Софии звучал абсолютно спокойно, что всегда пугало окружающих больше, чем крик. — Если ты сейчас не закроешь дверь с той стороны, я соберу из этих запчастей миниатюрную гильотину и проверю на тебе теорию Дарвина. Иди ставь свои капельницы, проповедница розовых пони. Леночка испарилась. София со злостью воткнула очередной винт. Деревянная спинка стула хрустнула и отвалилась. — Да чтоб тебя пустило по миру мелкими долговыми расписками! — взвыла она, обращаясь к бездушному агрегату. — Кто вас проектировал?! Сизиф?! Чтоб ему вечно собирать такие табуретки в Аиде!

Пятый акт наступил в кабинете. Пришла жена Федора Сергеевича Толуна. Бывшая. Маргарита Павловна. Женщина с лицом школьной училки литературы и талией, затянутой в такой корсет, что казалось, ее внутренние органы давно эмигрировали в область таза. — Доктор, я по поводу алиментов, — начала она, садясь напротив и кладя на стол безупречный, пахнущий дорогим парфюмом ежедневник. — Федор перестал платить. Сказал, что деньги ушли на расшифровку мертвых языков. — Мертвые языки теперь оплачиваются лучше живых пациентов? — поинтересовалась София, глядя куда-то сквозь посетительницу. — Маргарита Павловна, ваш бывший муж сейчас лечится от острого алкогольного психоза. Его единственная валюта — это запах перегара и философские трактаты, написанные кетчупом на больничной клеенке. Денег нет. Мозга временно тоже. Хотите — забирайте спинной мозг, он нам все равно пока не нужен. — Вы хамите, — брови Маргариты Павловны сошлись на переносице. — Я буду жаловаться главному врачу. Мой адвокат... — Ваш адвокат может засунуть свою претензию туда, где солнце не светит, — перебила София. — Пока ваш гениальный супруг видит зеленых чертей, о финансах можете забыть. Приходите через месяц. Если он к тому моменту перестанет считать себя воплощением Тутанхамона, мы обсудим его вклад в ваше благополучие. Всего доброго. Она встала и буквально выставила женщину за дверь, нажав на кнопку вызова охраны. Руки дрожали. Не от страха — от концентрированной, чистой ненависти ко всему человечеству. К коту, к водителю автобуса, к Аркадию Борисовичу, к этой ухоженной стерве, которая пришла требовать деньги у человека, чей разум сейчас плавится в кислотной ванне делирия.

— Ты перешла грань, Петрова, — сказал Аркадий Борисович, появляясь в дверях. Он молча наблюдал сцену изгнания бывшей жены. — Даже для тебя это слишком. Эта женщина, между прочим, содержит их дочь одна. А Федор твой... он ведь хорошим историком был. Золотые руки. До того как пить начал. — Хорошие историки не заливают водкой рукописи пятого века, — огрызнулась София. — Они продают их на Сотбис и покупают виллу в Тоскане. Хва-

тит читать мне мораль. У меня стул не собран, мир несправедлив, а во рту вкус пепельницы. Я иду курить.

Улица встретила ее порывом холодного ветра. Первое мая окончательно скисло. Небо затянуло низкими серыми тучами, которые выглядели так, словно кто-то сверху забыл постирать пыльные чехлы от диванов. Моросил мелкий, противный дождь. София отошла к углу здания, подальше от центрального входа, достала сигарету. Зажигалка щелкала впустую. Газ кончился. — Да что б вам всем икалось три года, — прошипела она, пытаясь прикурить от последней спички из промокшего коробка. Спичка шипела, но не загоралась. Внезапно рядом остановился черный тонированный внедорожник. Из него высунулась голова в кепке: — Девушка, огоньку не найдется? София подняла взгляд. И в этот момент Вселенная решила, что лимит мелких пакостей исчерпан, пора переходить к глобальным катастрофам. Каблук ее левого сапога (того самого, который пережил утреннее оскорбление от кота, но не вынес экзистенциального груза дня) попал точно в решетку ливневой канализации. Решетка предательски перевернулась.

Время замедлилось. София увидела мир в странном ракурсе: собственные колени, стремительно несущиеся навстречу мокрому асфальту, лужу, в которой отражались перевернутые дома, и собственное отражение — бледное, искаженное водой лицо с выражением крайнего изумления. Она попыталась сгруппироваться, как учили на курсах первой помощи, но тело отказалось слушать. Плечо встретилося с бордюром с сухим, тошнотворным треском. Голова мотнулась назад. Искры посыпались из глаз вполне реальные, физические. Последней мыслью, промелькнувшей в гаснущем сознании прежде, чем асфальт принял ее в свои холодные объятия, была вовсе не молитва и не сожаление о прожитой жизни. Это была сухая, циничная констатация факта: «Ну вот. Теперь Леночке придется ставить мне капельницу. Какая восхитительная симметрия бытия».

Звук падения тела был неожиданно тихим, почти деликатным, заглушенным шумом дождя. Черный внедорожник библикнул, извиняясь, и медленно отъехал, скрывшись в потоке машин. Никто из прохожих не подбежал. Первое мая — праздник трудящихся, у всех шашлыки, никто не хочет возиться с пьяной интеллигенткой в черном, которая неудачно упала на ровном месте.

Однако сознание не погасло полностью. Оно просто сменило носителя, частоту вещания и декорации. Треск костей и боль в плече исчезли мгновенно, будто кто-то выкрутил ручку громкости мира на ноль. Запах мокрого асфальта и дешевых духов Маргариты Павловны сменился запахом озона, старого пергамента и чего-то сладковато-гнилостного, напоминающего забродивший яблочный сок.

София открыла глаза. Она не лежала на асфальте. Она висела в пространстве. Вокруг клубился густой, плотный туман жемчужно-серого цвета. Под ногами — ничего. Твердая опора ощущалась, но визуально ее не существовало. Это напоминало серверную комнату Бога после системного сбоя.

— Ну наконец-то, — раздался слева густой, маслянистый бас, от которого вибрировали сами кости черепа. — Я уж думал, ты до вечера будешь изображать гербарий на тротуаре. У меня смена заканчивается в полночь, дамочка. София резко повернула голову. Слева, вальяжно развалившись прямо на невидимом кресле, сидел мужчина. Вернее, сущность. Ростом метра два, широкоплечий, одетый в костюм-тройку из кожи цвета венозной крови. Вместо галстука на шее болтался массивный золотой крест на тяжелой цепи. Лицо было красивым, порочным и очень знакомым — именно так рисуют Люцифера в комиксах для подростков, страдающих от неразделенной любви. Но главным были глаза. Радужка отсутствовала, весь белок заполняла вязкая, пузырящаяся жидкость бутылочно-зеленого цвета. От незнакомца исходил жар, как от раскаленной печи, и густой аромат дорогого кальяна, вишневого ликера и болотной тины.

— Вы кто? Такси «Люкс»? — спросила София первое, что пришло в голову. Голос прозвучал ровно. Никакой паники. Паника требует эмоционального ресурса, а ресурс Софии сегодня утром ушел на сборку стула. — Если да, то вы приехали не по адресу. Мне в НИИ Скорой помощи, травматологию. У меня плечо вывихнуто и, кажется, сотрясение. — Вывих души у тебя, мать, а не плеча, — бас расхохотался, и смех эхом разнесся по туману. — Хотя плечо тоже того... кракнуло знатно. Добро пожаловать на пересылку, Софья Игнатьевна. Или Игоревна? Вечно вы, высокодуховные, имя-отчество суετε везде, где надо и не надо. — Петрова, — механически поправила она. — Где мы? Почему здесь нет Wi-Fi? И почему от вас несет паленым сахаром и грехом? — Мы в Межмирье, деточка, — сущность изящным жестом стряхнула с рукава костюма невидимую пылинку. — Чистилище версии 2.0, патч безопасности установлен. А пахнет от меня успехом, властью и выдержанным скотчем. Можешь называть меня Зеленый Змий. Для друзей — просто Змей. Но друзей у меня нет, потому зови меня «Ваше Пресмыкающееся Благолепие». — Очень приятно. София. Психолог. Специализация — алкоголизм. Судя по вашему цвету лица и тремору реальности вокруг вас, вы мой профильный клиент. Когда начнем терапию?

Справа раздался мелодичный звон колокольчиков и чихание. Там, на таком же невидимом пуфике, сидел другой персонаж. Абсолютный антипод Змия. Розовый. Весь, целиком. Огромный плюшевый слон ростом со шкаф, в крошечных круглых очках в золотой оправе, нацепленных на хобот. Из-под очков смотрели добрые, влажные, бесконечно печальные глаза. На ногах у слона были пушистые тапочки в виде бананов. — Будьте здоровы, — вежливо сказала София слону. — Спасибо, милая, — пропищал слон высоким, ангельским дискантом. — Аллергия на грех. Стоит кому-нибудь неподалеку соврать жене по телефону, сразу течет из носа. Будем знакомы. Я — Розовый Слоник. Куратор от Верхнего Управления. Отдел Милосердия и Легких Галлюцинаций. — Понятно, — кивнула София. — Белая горячка началась раньше, чем я потеряла сознание. Классическая полиэстезия. Интересно. Значит, зеленый дракон — это моя вытесненная агрессия, а розовый слон — регресс в детство. Документирую. — Она невыносима, — фыркнул Змий, выпуская изо рта кольцо зеленого дыма. — Прямо как ее пациенты. Только те хотя бы догадываются, что они в заднице, потому что пьют стеклоочиститель. А эта стоит посреди Великого Суда и ставит диагнозы архангелам. — Я стою посреди тумана, где воняет болотом и синтетическим ванилином, — парировала София. — Если это Великий Суд, то отдел кадров у Всевышнего совсем мышей не ловит. Ведите меня к начальству. У меня рабочий день ненормированный, а ноготь сломался.

Туман перед ними сгустился, потемнел, а затем резко вспыхнул ослепительным светом, заставившим зажмуриться. Когда София открыла глаза, она уже не висела в пустоте. Она стояла в зале суда. Зал поражал своей безвкусицей. Архитекторы пытались угодить всем конфессиям сразу, и получилось чудовищно. Потолок был расписан фресками эпохи Возрождения, но лики святых подозрительно напоминали известных политиков девяностых годов. Пол был выложен черно-белой плиткой, как в шахматном клубе. Стены украшали одновременно византийские иконы и неоновые вывески «Выход», мигающие красным.

За длинным столом красного дерева, накрытым зеленым сукном, сидели шестеро. Три фигуры справа излучали такую ауру самодовольства, что хотелось выдать им активированный уголь. Три фигуры слева сияли таким приторным благодушием, что сводило зубы.

Центральный правый — огромный козлоногий субъект с планшетом iPad Pro в руках — постучал копытом по столу. — Оглашается дело номер шестьсот шестьдесят шесть запятая восемь! — пробасил он. — Обвиняемая: Петрова София Игоревна. Год рождения — тысяча девятьсот девяносто шестой. Образование высшее. Должность — врач-психиатр-нарколог. Основное обвинение: статья семь дробь сорок пять Кодекса Мироздания. Профессиональная деформация высшей степени. Эмоциональное выгорание, перешедшее в стадию криогенного анабиоза совести. Признаки: систематическое нарушение врачебной этики, цинизм, отсутствие

эмпатии к страждущим, использование терминов когнитивно-поведенческой терапии для унижения достоинства пациентов. — Возражаю! — пискнул Розовый Слоник, поднимая маленький ласт-крыло. — Термин «анабиоз» некорректен. Там скорее «глубокая заморозка с сохранением базового функционала сарказма»! — Молчать, глюк сахарный! — рявкнул центральный левый — пухлощекий ангелочек с золотыми крыльями, размах которых превышал ширину зала. — Мы здесь судим, а не играем в песочнице! Продолжайте, Велиал.

Козлоногий Велиал сверкнул глазами на Софию. — София Игоревна, признаете ли вы себя виновной в том, что довели пациента Иннокентия до попытки самоубийства путем отрицания атмосферы Юпитера своими речами? — Нет, — твердо ответила София. — Я спасла ему жизнь. Атмосфера Юпитера действительно состоит из водорода. Если бы он продолжил дышать ею в своем воображении, его альвеолы схлопнулись бы быстрее, чем пузырьки в дешевом шампанском. Я дала ему научную базу. Это называется просвещение. По залу прошел шелест. Ангелы поморщились. Демоны одобрительно хмыкнули.

— Далее, — Велиал пролистнул экран планшета. — Пациентка Смирнова, тридцать лет, белая горячка. Обвиняемая назвала ее «королевой бухла» и отказалась проводить мотивационную беседу, предложив вместо этого сыграть в города на матерные слова. — У пациентки была третья стадия, энцефалопатия и полное отсутствие критики, — отчеканила София. — Мотивационная беседа там работает хуже, чем подорожник при ампутации. Зато игра в города вывела ее из ступора на пятнадцать минут, необходимых дежурному врачу для введения реланиума. Я использовала доступные нейронные связи. Кстати, она выиграла, назвав город Ытык-Кюёль. — Протокол подтверждаю, — мрачно вставил Зеленый Змий, попыхивая сигарой. — Девка соображает быстро. Мне бы такого адвоката в Преисподнюю. Цены бы не было.

Суд длился долго. По меркам человеческой жизни — вечность. По меркам бюрократии чистилища — стандартные сорок минут. София стояла, прижимая ушибленную руку к груди, и отвечала на вопросы с педантичностью преподавателя на экзамене. Она не оправдывалась. Она защищала свою правду: мир жесток, люди слабы, ресурсы ограничены, а спасение утопающих — дело рук самих утопающих, если только эти руки способны держаться за протянутый канат логики.

Когда Велиал закончил чтение списка прегрешений длиной в рулон туалетной бумаги, слово взял главный ангел — сияющий тип с арфой под мышкой. — София Игоревна Петрова! Высший Конклав взвесил твою душу. На левой чаше весов — гордыня, уныние, гнев и остывший латте. На правой — ни одного трупа, стопроцентная статистика вывода из запоев по первому требованию организма и знание столицы Буркина-Фасо. — Угадугу, — подсказала София. — Вот именно! — просиял ангел. — Учитывая отсутствие смертных грехов категории "Альфа" (убийство, прелюбодеяние с чужой женой, голосование за неправильную партию), мы не можем отправить тебя вниз. Ад переполнен бюджетниками, там тесно. Но и вверх нельзя. Рай — место для восторженных идиотов, а ты, прости, токсична, как ртуть.

София вздохнула. Тюрьма среднего режима. Как предсказуемо. — Вечное заключение в Лимбе? — уточнила она. — Библиотека есть? Желательно с отделом оккультной литературы.

Главный демон откинулся на спинку кресла и захохотал. Смех его был похож на камнепад. — Лимб? Детка, ты нужна экономике! И демонам, и ангелам. Ты же профессионал! Специалист по белой горячке! У нас кадровый голод. Белочки нынче пошли ленивые, косячные, требуют соцпакет и восьмичасовой сон. — Какой специалист? — не поняла София. — Самый обыкновенный, — ухмыльнулся Зеленый Змий, наклоняясь вперед. Та часть его лица, на которую падал свет, оставалась красавцем-мужчиной, а та, что в тени, превращалась в чешуйчатую морду ящерицы. — Ты станешь Белочкой. Той самой. Галлюцинацией. Навязчивым образом. Карающей фурией похмелья. — Что значит «стану»? — София нахмурилась. — Я врач. У меня ипотека. У меня кот жрет премиальный корм. Вы не можете превратить меня в оптическую иллюзию. Это нарушает Трудовой кодекс. — Можем, — ласково пропищал Розовый Слоник.

— Это метафизическая переаттестация. Твоя физическая оболочка останется в травматологии. Будет лежать красивая, в коме, врачи будут бороться за твою мозговую деятельность. А твоё астральное "Я", твои знания психологии, твой яд и твоё милосердие упакуют в образ маленькой, пушистой, но крайне назойливой белочки. — Вы выносите приговор стать симптомом? — губы Софии дрогнули в усмешке. — Это самая смешная шутка со времен изобретения пургена. — Это наказание, — сурово сказал ангел. — За твоё безразличие. Ты должна почувствовать на собственной шкуре, каково это — быть бесплотным голосом в голове, которому никто не верит. Ты будешь сидеть на плече у алкоголика, давать ему советы, плакать, умолять бросить пить, а он будет пытаться прихлопнуть тебя тапком. ВЕЧНО. — Или до выполнения условия, — перебил его демон. — Есть лазейка, ваша святость. Не ломай мне бизнес-процесс.

В зале повисла тишина. Было слышно, как где-то капает вода и как тихо скулит от зависти чья-то грешная душа. — Лазейка? — переспросила София. Впервые за весь день в её голосе появился интерес, не связанный с желанием кого-нибудь убить. — Именно, — Змий оскалился в улыбке. — Чистилища забиты убийцами и коррупционерами. Им прощения нет, они топливо для котлов. А ты... ты всего лишь уставшая стерва с дипломом. Мелочь. Поэтому тебе дают квест. — Я похожа на девочку из аниме, — скривилась София. — Ты похожа на проблему, которую нужно решить, — отрезал Велиал. — Слушай внимательно. Приговор: трансформация в Белочку. Срок: бессрочно. Условие досрочного освобождения: Помоги хотя бы одному своему пациенту преодолеть физическую и психологическую зависимость. Сделай так, чтобы он стал трезвенником. Не на неделю. Не на месяц. Навсегда. Чтобы он нашел смысл жизни без спирта. Справишься — вернешься в своё тело. Ошибешься хоть раз, сорвешь процесс ремиссии — останешься навеки прыгать по люстрам в чужих алкогольных кошмарах.

София молчала. Она анализировала. Профессиональная привычка. Задача поставлена четко. Клиентская база — алкоголики. Цель — устойчивая ремиссия. Ресурс — она сама в виде грызуна. Сложно, но выполнимо. Главное — исключить созависимость. — Один пациент? — уточнила она. — Любой? Даже безнадежный? — Любого выберешь сама, — кивнул Розовый Слоник, утирая скупую ангельскую слезу кружевным платочком. — Но предупреждаю: шансы стремятся к нулю. Статистика ремиссии хронических алкоголиков без кодирования свыше трех лет — менее двух процентов. — Два процента — это погрешность выборки, — фыркнула София. — Я берусь. Когда приступать? — Уже, — рыкнул демон.

Он щелкнул пальцами. Пространство вокруг пошло рябью, как старый телевизор. Зал суда, демоны, ангелы, нелепая архитектура — все начало растворяться в кислотно-зеленом тумане. — Погоди! — крикнула София, чувствуя, как её личность начинает растягиваться, истончаться, вытягиваясь в тонкую нить. — А мои права? Профсоюз? Больничный лист?! — Твой больничный лист — это вся Россия! — прогремел голос Велиала. — Удачи, доктор! И запомни: они тебя видеть не должны. Только слышать. Только чувствовать. Будь убедительнее. Используй методы КПТ, чтоб их холера взяла!

Последнее, что услышала София Игоревна Петрова перед тем, как её сознание сжалось в точку, а потом выстрелило, как пробка от шампанского, был язвительный шепот Зеленого Змия: — Совет на дорожку: никогда не спорь с синими слониками. Они обидчивые. И утробный рев Розового Слоника: — Я НЕ СИНИЙ! Я ЦВЕТА ФУКСИИ!

Темнота рухнула внезапно, тяжелая и мягкая, как ватное одеяло. Последняя связанная мысль врача-психолога перед погружением в бездну нового, иррационального безумия была донельзя прозаичной: «Интересно, а бонус за выполнение KPI предусмотрен? Хотя бы виртуальная валерьянка...»

А потом пришли голоса. Десятки, сотни голосов. Они шептали, булькали, смеялись и плакали одновременно. И среди этого хора София вдруг отчетливо различила один, самый близкий. Мужской, глубокий, невероятно красивый, несмотря на текущую из него пену: —

Кыш, зараза рыжая! Не лезь в манускрипт! У меня пятый век рунами идет, а ты хвостом страницы слюнявишь! Господи, допился... говорящая белка в очках...

Глава 3. Чистилище с видом на бюрократию, или Белка в законе

Тьма не была абсолютной. Абсолютная тьма — это просто отсутствие фотонов, скучный физический факт. Тьма, в которую рухнула София Игоревна Петрова, имела текстуру. Она ощущалась как старый, влажный бархат тяжелой театральной портьеры, которая только что сорвалась с карниза и упала прямо на зрителя. Бархат давил на плечи, забивался в нос запахом пыли, старых книг и чего-то озонового, словно где-то поблизости только что очень крупно соврали.

София попыталась сесть. Тела она не чувствовала. Вернее, чувство тела было фантомным, как у ампутанта: мозг помнил, что у него есть ноги, руки и ноющая боль в левом плече от падения на асфальт, но тактильных подтверждений этому не поступало. — Так, — сказала она в пустоту ровным голосом врача, констатирующего клиническую смерть. — Либо я умерла, либо меня наконец-то качественно прокапали глюкозой до состояния гипогликемической комы с галлюцинациями. Вариант номер два предпочтительнее, там хотя бы реанимация предусмотрена.

Пустота ответила ей деликатным покашливанием. Оно раздалось откуда-то сверху и сбоку, имело тембр дорогой сигары и легкое эхо метрополитена. — Реанимация отменяется, доктор, — произнес густой бас. — Там очередь из инфарктников. У нас тут своя регистратура. Добро пожаловать в Отдел по Работе со Специалистами Гуманитарного Профиля. Аббревиатура для своих — ОРСПГП. Или, если совсем уж панибратски, чистилище «Левое плечо».

Пространство перед глазами начало светлеть, приобретая черты самого унылого офиса, который только можно вообразить. Стены цвета детской неожиданности, линолеум, вздувшийся волнами, и стойка ресепшена из ДСП, заляпанная чем-то подозрительно похожим на засохший кетчуп. За стойкой сидел клерк. Классический мелкий бес канцелярии: серый костюм-тройка, роговая оправка очков, залысины и выражение лица человека, которому уже пять тысяч лет задерживают квартальную премию.

— Петрова София Игоревна? — буркнул он, не отрываясь от монитора допотопного компьютера, экран которого покрывала толстая пленка табачного нагара. — Уже сомневаюсь, — отозвалась София. — Если верить Декарту, мое существование сейчас под большим вопросом. Я мыслю, следовательно, я брежу. — Все вы так говорите, — клерк щелкнул когтистым пальцем по клавиатуре. Раздался звук, похожий на хруст раздавленного таракана. — Карточка заведена. Статья семь дробь сорок пять Кодекса Мироздания. Профессиональная деформация высшей категории. Отягчающее обстоятельство: цинизм без лицензии. Проходите в Зал Трибунала, третья дверь направо. Следующий!

Зал Трибунала оказался полной противоположностью офису ожидания. Это был гибрид Сикстинской капеллы, зала заседаний Верховного Суда СССР и дешевого караоке-бара. Под куполом парили пухлые херувимы, которые вместо арф держали бейджики «Служба безопасности». Пол был шахматным, причем черные клетки были сделаны из отполированного гранита, а белые — из мягкого, пружинящего облака, наступать на которое было почему-то противно.

В центре зала стоял массивный стол красного дерева. За ним восседала шестерка существ, разделенная ровно посередине мраморной статуей Фемиды. Кто-то весьма остроумный надел богине правосудия на глаза повязку, а в одну руку вложил повестку в суд, а в другую — бутылку водки «Путинка» с олимпийской символикой.

Справа сидели трое. И даже воздух справа казался тяжелее, плотнее, пах раскаленным железом, дорогим парфюмом и успехом. Центральный демон откинулся в кресле, закинув ногу

за ногу. Его копыта блестели лаком, а хвост в дорогой змеиной коже нервно постукивал по полу. Лицо его было лицом кинозвезды эпохи немого кино — хищное, аристократичное, с ямочкой на подбородке. — Итак, подсудимая, — пророкотал он, и голос его обволакивал, как горячий шоколад с перцем чили. — Меня зовут Велиал. Глава коллегии защиты здравого смысла. Справа от меня — Асмодей, наш главный специалист по трудовым спорам. Слева — Бегемот, завхоз преисподней и председатель профсоюза чертей. Асмодей кивнул. Он выглядел как инвестиционный банкир после трех суток без сна: впалые щеки, лихорадочный блеск в глазах и пальцы, постоянно печатающие в воздухе невидимые цифры. Бегемот же напоминал огромного, гладко выбритого кота в смокинге, который только что съел банку сметаны и теперь размышляет, стоит ли ему пойти еще за одной или сначала поспать на Конституции.

Слева сидели другие трое. Воздух здесь пах ладаном, хлоркой и кипяченым молоком. Главный ангел сиял настолько ярко, что смотреть на него было больно глазам. Ослепительно-белые одежды, золотые локоны и улыбка, способная вылечить геморрой одним своим видом. — Гавриил, — представился он, сложив руки на столе. — Куратор отдела Искреннего Раскаяния. Рядом Михаил, Архистратиг, отвечает за силовые методы убеждения. И Рафаил, заведующий отделом Психосоматического Благополучия. Рафаил мягко улыбнулся. У него были добрые глаза сенбернара и огромные пушистые крылья, которыми он то и дело укрывал Михаила, когда тот начинал гневно раздувать ноздри.

София стояла посреди зала. Она скрестила руки на груди (на том месте, где они теоретически должны были быть) и приняла позу пациента, пришедшего жаловаться на участкового терапевта. — Господа, дамы... сущности, — начала она. — Прежде чем мы начнем этот фарс, я хочу заявить ходатайство о проведении судебно-психиатрической экспертизы. У меня острая реакция на стресс, осложненная черепно-мозговой травмой. Я вижу демонов в итальянских костюмах и ангелов, использующих энергосберегающие лампы в качестве нимбов. Это классический симптом алкогольного делирия, наложенный на контузию. — Делирий оставь для своей работы, Петрова, — фыркнул Велиал, доставая из воздуха электронную сигарету размером с полицейскую дубинку. — Мы читали твое личное дело. Ты трезва как стекло. Просто ты мертвая. Ну, почти. Физическая оболочка пока держится на аппаратах искусственного жизнеобеспечения благодаря усилиям твоего угрюмого коллеги Аркадия. Кстати, он передает привет и спрашивает, нельзя ли забрать твой плащ. Говорит, вещь брендовая, пропадать не должна. — Аркадий всегда умел расставлять приоритеты, — губы Софии тронула кривая усмешка. — Что ж, раз физическая смерть зафиксирована, давайте перейдем к сути. В чем обвиняетесь, гражданин начальник?

Михаил грозно поднялся. Крылья за его спиной затрепетали, создавая легкий сквозняк. — Обвинение серьезное! — прогремел он. — Тебе доверили хрупкие человеческие души! Люди, находящиеся на последней стадии саморазрушения, приходили к тебе за спасением! А что делала ты?! — Назначала тиамин внутримышечно и составляла акты медицинского освидетельствования, — пожала плечами София. — Согласно протоколу Минздрава. — Ты издевалась над ними! — Михаил стукнул кулаком по столу. Статуя Фемиды качнулась, бутылка водки выпала из ее руки и исчезла в облаке под ногами Софии. — Вот показания свидетеля! — Архистратиг развернул огромный свиток пергамента. — Пациент Иннокентий Смирнов, тридцать четвертая госпитализация. Цитирую: «Докторша посмотрела на меня, как на кусок дерьма, и спросила, зачем мне быть трезвым, если жизнь говно. Сказала, что мои инопланетяне правы, атмосфера Юпитера токсична, и лучше мне сдохнуть молодым!» Это слова человека с разбитым сердцем! — Это слова идиота с энцефалопатией, — отрезала София. — Я применила технику сократовского диалога через отрицание. Метод парадоксальной интенции Франкла. Чтобы пациент захотел жить, нужно показать ему абсурдность смерти. Я дала ему научный аргумент. Если бы я сюсюкала с ним про «свет внутри», он бы пошел и повесился

на батарее от умиления. Вы вообще открывали учебник по наркологии девяностых годов? Там половина методов лечения строится на запугивании до мокрых штанов.

Велиал громко рассмеялся, пуская кольца дыма, складывающиеся в знак доллара. — Девка мне нравится, — заявил он. — Огонь. Асмодей, заноси в протокол: «Отсутствие лицемерия». — Это не отсутствие лицемерия, это профнепригодность! — возопил Гавриил. Его сияние слегка померкло от негодования. — Любовь! Где твоя любовь к ближнему, дочь моя?! Ты видела в них не людей, а биологические отходы! Ты потеряла милосердие! — Милосердие заканчивается там, где начинается хроническое нежелание лечиться, — холодно парировала София. — Посмотрите на статистику. Мой процент ремиссии выше среднего по клинике. Почему? Потому что я говорю им правду. Я их зеркало. Кривое, грязное, но честное. Они боятся меня больше, чем цирроза. Страх — отличный мотиватор, ваше святейшество. Проверено миллионами лет эволюции. — Но любви нет, — тихо вставил Рафаил. — В ваших словах яд, София. Яд разочарования. Вы сами ранены, поэтому кусаете других. Вы ненавидите их слабость, потому что она напоминает вам о вашей собственной.

Наступила тишина. Даже херувимы перестали болтать ножками под потолком. София замерла. Это был запрещенный прием. Переход от юриспруденции к психоанализу. — Моя личная жизнь не является предметом судебного разбирательства, — отчеканила она. — Мое одиночество — это мой выбор. Оптимизация ресурсов. — Ложь, — мягко сказал Рафаил. — Вы боитесь близости, потому что считаете себя недостойной. Вы прячетесь за броней из сарказма, чтобы никто не увидел, какая вы маленькая, замерзшая девочка, которая все еще ждет папу с подарком. — Папа ушел за хлебом двадцать пять лет назад, — голос Софии дрогнул впервые за весь процесс. — И что-то подсказывает мне, что он заблудился именно в вашем отделе, архангел. Может, проверите списки потерявшихся душ?

Велиал ударил хвостом по ножке стола. — Хватит душещипательных бесед! — рявкнул он. — У нас график горит! Переходим к вердикту. Коллегия выслушала обе стороны. Демоническая сторона считает, что обвиняемая — ценный кадр. Жесткая, эффективная, аморальная ровно настолько, чтобы выжить в российских реалиях. Предлагаю перевести ее в отдел искушений. Будет соблазнять монахов нарушать диету. Хороший соцпакет, премии натурой. — Протестую! — всплеснул крыльями Гавриил. — Ее душа суха, как Сахара! Она топчет цветы надежды своими каблуками! Но закон милосерден. Убийств на ней нет. Изнасилований бюджета клиники тоже не зафиксировано. Значит, мы не можем отправить ее в Геенну огненную. Там тесно, жарко, и публика слишком пафосная для нашего случая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.